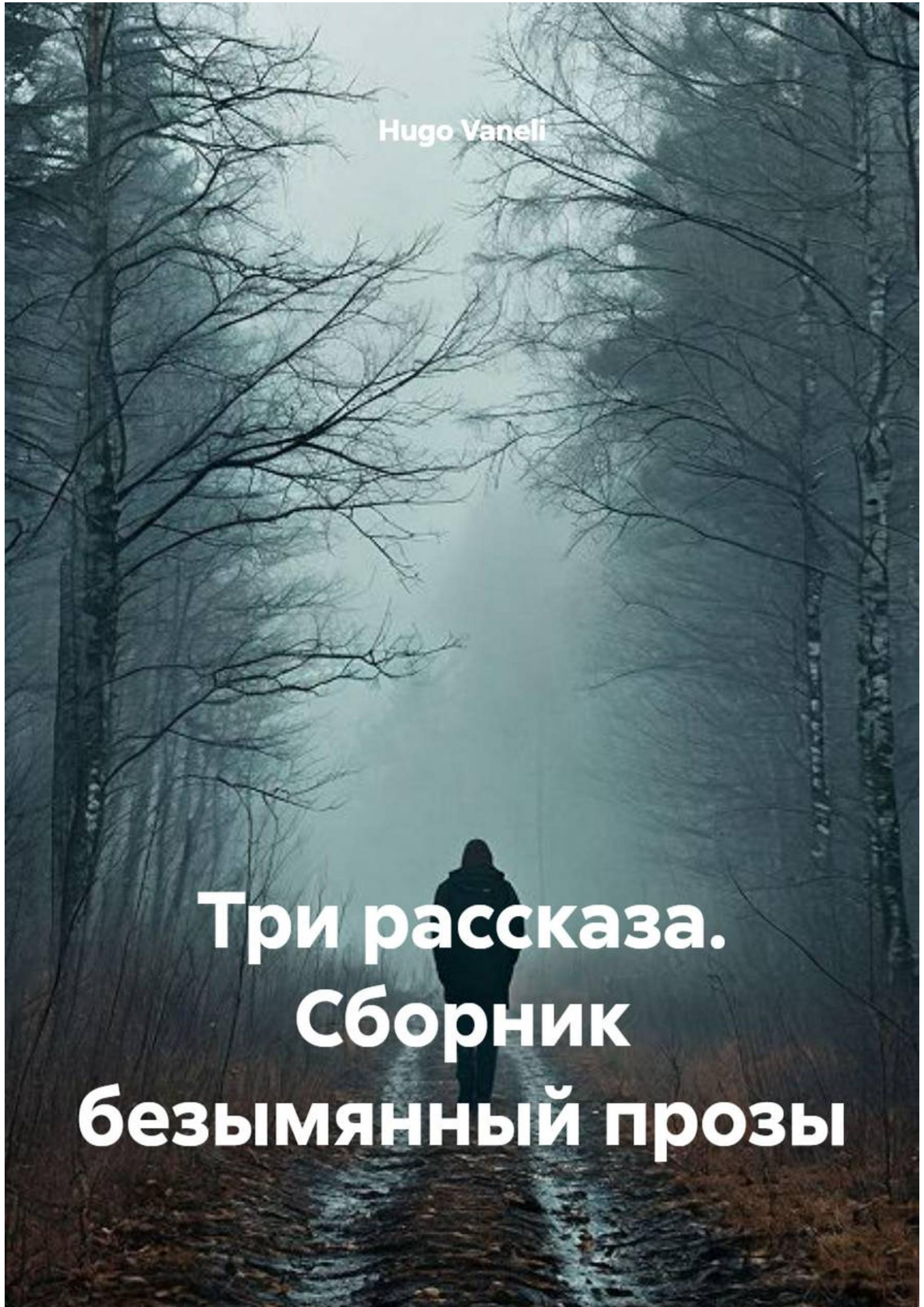

A person in a dark coat is walking away from the viewer down a narrow, misty path in a forest. The path is covered in fallen leaves and is flanked by tall, bare trees. The atmosphere is foggy and somber, with a cool color palette of blues, greys, and browns.

Hugo Vaneli

**Три рассказа.
Сборник
безымянный прозы**

Hugo Vaneli

**Три рассказа. Сборник
безымянный прозы**

«Автор»

2026

Vaneli Н.

Три рассказа. Сборник безымянный прозы / Н. Vaneli —
«Автор», 2026

Три пронзительные истории о незаметных людях, их невысказанной любви, щемящем одиночестве и вере в чудо. Тихий вечерний туман, затерянные лесные полустанки, глубокие внутренние переживания и вечные вопросы, на которые каждый из нас ищет ответы в темноте. Простая, честная и искренняя проза, написанная с большим милосердием и нежностью к своим героям.

© Vaneli Н., 2026

© Автор, 2026

Hugo Vaneli

Три рассказа. Сборник безымянный прозы

hugo vaneli

ТРИ РАССКАЗА

Сборник безымянной прозы

«иногда честность — единственный причал душевного покоя...»

СОДЕРЖАНИЕ

Дырявые носки 4

Голос из вагона 7

Предел тяжести 15

ДЫРЯВЫЕ НОСКИ

Утро началось как обычно: он проспал. В спешке он никак не мог найти ключи, которые, как назло, лежали на самом видном месте — на тумбочке у зеркала. Он опаздывал. Впрочем, как всегда. Он был из тех милых, немного мечтательных растяп, у которых жизнь течет в легком, хаотичном беспорядке. Он вечно забывал про бытовые мелочи не потому, что был глуп, а просто потому, что его голова всегда была занята чем-то более интересным — книгами, мыслями или просто созерцанием вселенной.

Сегодняшнее утро не отличалось от сотен предыдущих, пока он не дошел до комода.

Ему нужны были носки. Простая, крошечная деталь. Он выдвинул ящик, засунул туда руку и вытащил первую попавшуюся серую пару. Развернул. На большом пальце левого носка зияла круглая, аккуратная дыра. Он вздохнул, бросил пару на кровать и вытащил другую. На этот раз дыра оказалась на пятке. Третья пара встретила его целой россыпью мелких дырочек. Он всегда забывал выбросить старые носки и купить новые — каждый раз обещал себе сделать это «завтра» и аккуратно складывал дырявые пары обратно в ящик, надеясь на какое-то бытовое чудо.

— Ну сколько можно?.. — тихо, почти беззвучно спросил он у пустой комнаты, натягивая брюки. — Они же все дырявые...

Ему никто не ответил. Да и некому было отвечать — он жил один, порядка в доме не водил, но не унывал по этому поводу. Стрелка часов неумолимо приближалась к восьми. Он выбрал ту пару, где дырка на большом пальце правой ноги была поменьше, быстро натянул её. Розовый палец тут же упрямо высунулся наружу. Он попробовал заправить его под ткань, но тот упорно стремился на волю.

— Ну и ладно, — пробормотал он со своим привычным мягким оптимизмом. — В туфлях всё равно никто не увидит.

Выбежав на улицу, он сразу нырнул в пронизывающую осеннюю изморось. Ветер бросал в лицо мелкие, холодные капли. Он бежал к станции подземки, на ходу пытаясь застегнуть пальто и прижимая к боку потрепанную кожаную сумку-мессенджер. Путь лежал мимо затянувшейся стройки нового офисного квартала, обнесенной аккуратными металлическими щитами. Сверху, из тумана строительных лесов, затянутых защитной сеткой, доносился глухой, ритмичный стук металла.

Именно здесь его настигла мысль.

Она пришла внезапно, мягкая и грустная, как первый мокрый снег. Он посмотрел вверх, на серые контуры недостроенного здания, и представил: «А что, если сейчас, случайно, один

кирпич сорвется с высоты двенадцатого этажа, пролетит сквозь туман и ударит меня прямо по темени?»

Холодный пот прошиб его под пальто. Но испугала его не смерть. Его парализовал тихий, шемящий ужас от того, что будет дальше.

«В море, — думал он, ускоряя шаг, но уже ничего не видя перед собой от подступившей паники, — санитары начнут меня раздевать. Снимут это серое пальто. Пиджак. Брюки. И затем... они снимут мои туфли. И увидят этот носок. Санитары, патологоанатом, медсестры... Все они увидят этот нелепый палец, торчащий наружу. Посмотрят на мое вполне приличное лицо, на кожаную сумку, на хороший шелковый галстук, который он когда-то купил, чтобы казаться солидным... а потом на эту дыру. И эта нелепая дыра станет главным итогом его одинокой, незаметной жизни. Не его доброта, не его готовность всегда прийти на помощь, не его тихие вечера с книгой. Только этот несчастный палец...»

Абсурдность этой мысли была пропорциональна её сокрушительной силе. Он так глубоко ушел в переживание своего посмертного одинокого позора, что на мгновение совершенно выпал из реальности.

Встряхнув головой, чтобы прогнать это нелепое видение, он снова посмотрел на часы. Стрелка неумолимо приближалась к половине девятого. Он понял, что уже катастрофически опаздывает, судорожно сжал ручку сумки и ускорил шаг, переходя на бег.

В офис он ворвался в восемь тридцать пять.

Запыхавшийся, со сбившимся набок галстуком и растрепанными волосами, он вбежал в коридор своего отдела и сразу замер. Вместо привычного утреннего затишья в коридоре царил настоящий переполох. Сотрудники кучковались у стен, перешептывались, у всех были взволнованные лица. По коридору то и дело проходили незнакомые люди в белых халатах.

Он заметил коллегу, который стоял у кофемашины, нервно сжимая пластиковый стаканчик.

— Что происходит? — тяжело дыша, подбежал он. — Почему все в халатах?

Коллега обернулся, его глаза за стеклами очков были круглыми от удивления.

— Ты не читал рассылку? У нас же внезапная проверка здоровья! Прямо из головного офиса приехали. Всех проверяют — врач общего профиля, кардиолог, невролог... Сказали, без этого к работе не допустят. Босс в ярости, требует, чтобы все прошли до обеда.

В этот момент в конце длинного коридора открылась дверь. Оттуда высунулся HR-менеджер — сухой, педантичный мужчина с планшетом в руках. Он обвел взглядом присутствующих, и его глаза остановились на нем.

— Наконец-то! Вы опять опоздали! — крикнул менеджер на весь коридор. — Живо заходите, ваша очередь!

Он почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Бешеный бег по лужам, панический страх опоздания — всё это мгновенно померкло перед ужасом грядущей катастрофы. Его привычный легкий пофигизм сейчас капитулировал перед этой неизбежностью.

Он медленно, словно на казнь, пошел по коридору и приоткрыл дверь медицинского кабинета. За столом сидел пожилой доктор в строгих очках, что-то быстро записывая в журнал. Доктор выглядел уставшим, но лицо его было мягким, как у дедушки.

Он, бледный как полотно, смущенно остановился у двери, прижимая сумку к груди как щит.

Доктор, не поднимая головы от журнала, монотонно произнес его фамилию.

Он молча кивнул.

Доктор наконец поднял взгляд, строго посмотрел на него поверх очков, затем перевел взгляд на кушетку и обыденным, не терпящим возражений тоном произнес:

— Ложитесь. И снимите туфли...

ГОЛОС ИЗ ВАГОНА

На полустанке пахло пыльной травой, нагретым деревом, сухим сеном и дешевой махоркой. Это кроткое тепло уходящего лета казалось хрупким, но мирным, словно и не было никакой войны. Маленькая станция стояла посреди глухих сосновых лесов, и грозные события долетали сюда лишь хриплым, простуженным голосом из черного раструба репродуктора, прибитого над дверью телеграфа.

Каждый день к полудню на деревянном перроне собирались старики. Делать в пустеющей деревне было нечего, и этот перрон стал для них и клубом, и лобным местом.

— Написано же в газетах: отходят на новые оборонительные рубежи, — горячился одноногий старик, тыча костылем в пыльную гравийную насыпь. — Рубеж — это тебе не просто канава! Там доты, дзоты, колючая проволока в три ряда. Силу надо понимать!

— Какая там сила... — тихо, но упрямо возражал его сосед, бережно поправляя на плече пустой холщовый мешок. — Коли вторую неделю радио про этот рубеж твердит, а названия станций каждый раз новые? Землю они топчут. Нашу землю...

Старик-отец в споры не лез. Он сидел чуть поодаль на перевернутом деревянном ящике из-под патронов, который приволок сюда еще весной. Старик медленно, сосредоточенно крутил козью ножку. Пальцы его, желтые от табачного дыма и потрескавшиеся от крестьянской работы, дрожали, ссыпая серую махорку на клочок газетного поля.

Его единственный сын ушел в сорок первом. Последнее письмо пришло почти год назад — короткое, засаленное, с размытым штемпелем полевой почты. Сын писал, что жив-здоров, просил беречь мать и обещал вернуться. С тех пор — тишина. Каждое утро старик заходил на почту, но немая почтальонка лишь качала головой и прятала глаза в шерстяной платок.

Вдали послышался тяжелый, нутужный гудок. Старики притихли.

— Опять сквозной, — пробормотал одноногий, приставляя ладонь к глазам. — На восток идет. Без остановки покатит.

Со стороны запада, тяжело отдуваясь серым дымом, выползал эшелон. Это был длинный, бесконечный состав из темно-красных товарных вагонов-теплушек. Двери были плотно закрыты и заперты снаружи на тяжелые железные закрутки. Узкие, зарешеченные колючей проволокой окошки под самой крышей казались слепыми глазами. На тормозных площадках стояли хмурые конвоиры в серых шинелях, держа ружья наперевес.

Поезд шел медленно, со стоном переваливаясь на стыках рельсов. От него веяло тяжелым человеческим теплом, запахом немытых тел, сухарей и глухой, запертой внутри тоской. Такие эшелоны редко останавливались на этой затерянной станции — разве что пропустить встречный воинский литер. Вот и сейчас паровоз лишь устало зашипел, сбавляя ход у семафора.

Старик прикурил папиросу от спички, спрятанной в ладонях от ветра. Сизый дым поплыл над перроном, смешиваясь с теплой пылью уходящего лета.

Вдруг из-за угла станционного здания выбежал хромой парень-путеец. Он бежал так быстро, как только позволяла больная нога, форменный картуз съехал на затылок, а тяжелые ботинки со стуком бились о доски перрона. Лицо его было белым, как известка, а глаза расширены от испуга.

Он завертел головой, выхватил взглядом сидящего на ящике старика и бросился прямо к нему.

— Отец! — закричал парень, задыхаясь на бегу и хватая ртом теплый воздух. — Отец, беги быстрее! Скорее!

Старики приподнялись со скамейки. Отец замер с зажатой в губах папиросой.

— Чего ты орешь, полоумный? — прикрикнул на парня одноногий. — Какая беда опять?

Парень подбежал, схватил старика за рукав старого пиджака и с силой потянул за собой. Папироса выпала из сухих губ старика прямо в щель между досками перрона.

— Там... в десятом вагоне от хвоста! — парень хрипел, из его рта летели брызги слюны, он отчаянно указывал пальцем на медленно ползущие мимо красные теплушки. — Поезд на минуту встал у стрелки... Я мимо шел, стыки проверял. И вдруг оттуда, из окошка под решеткой... Голос! Кричит кто-то. Громко так, надсадно! Твое имя кричит! Нашу деревню зовет и твое имя!

У старика внутри словно оборвалась какая-то важная, державшая его все эти годы струна. Земля под ногами качнулась, а стук вагонных колес вдруг стал оглушительным, заполнив собой всю голову.

— Кто кричит? — тихо, почти беззвучно спросил старик, не двигаясь с места.

— Не знаю я! — парень почти плакал от волнения, дергая его за рукав. — Голос чужой, сиплый совсем, простуженный... Но имя твое твердит и деревню нашу! Беги, паровоз сейчас пар даст, они же тронутся! Быстрее, ну же!

И он буквально потащил ошеломленного, ничего не понимающего старика вдоль перрона, мимо застывших в немом оцепенении односельчан, туда — к хвосту медленно уходящего эшелона.

Доски перрона кончились внезапно. Старик оступился, подошвы скользнули по жесткому гравию насыпи. Хромой парень крепко держал его за локоть, увлекая за собой вперед, мимо проплывающих красных стен. Тяжелый душный запах разогретого металла, машинного масла и запертой внутри вагонов человеческой беды ударил в лицо.

— Вот этот! — закричал парень, задыхаясь и указывая на вагон, где на ржавой закрутке покачивалась деревянная колодка. — Десятый! Отец, здесь!

Старик поднял голову. Под самой крышей вагона, за густой колючей проволокой узкого окошка, копошилось что-то темное. Паровоз в голове состава глухо, натужно ухнул, выпуская струю белого пара. Железные сцепки между вагонами со звонким, пушечным треском натянулись одна за другой. Поезд вздрогнул и стал медленно, но неотвратимо набирать ход.

— Кто здесь?! — закричал старик, срывая голос и пытаясь бежать вровень со скользящей стеной. Старый пиджак распахнулся, ветер бил в грудь, а сердце колотилось так тяжело, словно хотело разбиться о ребра. — Кто звал?!

Из-за колючей проволоки просунулись тонкие, грязные пальцы. Они судорожно цеплялись за дерево, пытаясь удержать ускользящий мир.

— Отец!.. — донеслось сверху. Голос был хриплым, простуженным до сипоты, но невероятно, отчаянно громким. — Отец!

У старика перехватило дыхание. Он бежал, спотыкаясь о шпалы, не чувствуя боли в старых коленях, всматриваясь в узкую щель. Но лица было не разглядеть — только серые тени и эти мертвой хваткой вцепившиеся в дерево пальцы.

— Сын?! — закричал старик, и слезы наконец брызнули из его глаз, мгновенно затуманив зрение. — Сынок, ты?!

— Нет! — выкрикнул голос из темноты, и поезд дернулся, ускоряя движение. Пальцы в окошке задрожали. — Я товарищ его! Из одного барака мы! Слышишь, отец?! Его завтра повезут! Здесь провезут!

Состав уходил все быстрее. Хромой парень уже отстал, тяжело дыша на насыпи, но старик все бежал, чувствуя, как горячая пыль летит из-под колес прямо в лицо.

— Когда?! — кричал старик, протягивая к вагону свои сухие, потрескавшиеся руки, словно пытаясь ухватиться за уходящую стену. — Каким поездом?!

— Завтрашним! — крик сверху доносился уже сквозь нарастающий стук колес. Пальцы разжались, исчезая в темноте окошка. Из щели вырвался последний, отчаянный выдох, покрывший весь грохот уходящего поезда: — Сюда же... на восток! Завтра здесь провезут его! Завтра-а-а!..

Голос сорвался и потонул в тяжелом, ровном стуке колес на стыках.

Последний вагон с хмурым конвоиром на площадке проплыл мимо. Эшелон уходил на восток, оставляя за собой лишь облако горького угольного дыма, которое медленно таяло в золотистом, неподвижном августовском воздухе.

Старик остановился посреди путей. Он тяжело, со свистом дышал, опустив руки. Вокруг него снова было тихо и тепло. Пахло сухой травой и нагретыми солнцем рельсами.

Хромой парень-путеец медленно брел обратно по насыпи, вытирая лицо грязным рукавом. Старик перехватил его, с силой сжал его плечо сухими пальцами и заглянул в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.